

КОДИФИКАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Оксана Владимировна Исаенкова
Алексей Андреевич Демичев

Pateikta 2006 m. kovo 14 d., parengta spausdinti 2006 m. gruodžio 4 d.

Краткое содержание. В статье проведен анализ современного состояния и тенденций развития исполнительного права Российской Федерации. В материале исполнительное право характеризуется как самостоятельная отрасль права, которая должна иметь и самостоятельную основу отраслевого законодательства. Авторы анализируют разные идеи развития исполнительного права Российской Федерации.

В статье сделан вывод, что кодификация является наиболее перспективным и целесообразным путем развития отрасли исполнительного права, а издание Исполнительного кодекса – важнейшим шагом на пути повышения эффективности функционирования его институтов.

Ключевые слова: исполнительное право, кодификация исполнительного права, гражданский процесс.

Законодательство является формой права и в тоже время источником его развития [1, с. 5]. Потому в идеальном состоянии реформирование системы права должно проходить через плановые (то есть разработанные с учетом целевых установок системного развития) преобразования законодательства. По отношению к исполнительному производству, в 2001 году такие установки были даны в журналах «Законодательство» и «Хозяйство и право» [2, с. 81–87; 3, с. 55–61], где была опубликована первая концепция структуры предполагаемого Исполнительного Кодекса Российской Федерации. Практически в это же время прозвучал призыв к созданию Европейского кодекса Исполнительного производства, в котором «можно было бы учесть наработанный различными государствами опыт и положения соответствующих международных конвенций» [4, с. 4; 5, с. 174]. Однако данное предложение, озвученное представителем Департамента внешних связей Министерства юстиции России В.П. Зиминим на 24-конференции Европейских министров юстиции, проходившей в Москве 4–5 октября 2001 года, напоминает попытку научить всю Европу делать то, чего сами никогда не умели и пока еще не умеем. В этой связи представляет интерес мысль российского правоведа Л.М. Зайцева, высказанная почти столе-

тие назад: «Выработка общих законодательных норм и международных соглашений, определяющих отношение России ко всем другим государствам на почве взаимного признания действительности и исполнимости иностранных судебных решений, может представиться особенно сложным в виду ее зависимости от соответствующих изменений и координации положений законодательства целого ряда государств» [6, с. 5].

Мы не ставим под сомнение необходимость ответственности внутригосударственного законодательства международным актам, но о каком Европейском исполнительном кодексе можно вести речь, если в Российской Федерации нет и никогда не было кодифицированного источника исполнительного права, а сама мысль о существовании отрасли исполнительного права до недавнего времени признавалась в теории гражданского и арбитражного процесса крамольной?

* Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной академии права.

** Доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права Нижегородской академии МВД России.

К сожалению, и в XXI веке защищаются кандидатские диссертации и выдвигаются тезисы, в которых роль исполнительного производства опять, как в советский период, сводится к стадии или даже институту гражданского (или) арбитражного процесса [7, с. 8; 8, с. 207; 9, с. 6].

Современное российское исполнительное право проходит начальную стадию собственной кодификации – рабочей группой под руководством профессора В.М. Шерстюка опубликован проект Исполнительного Кодекса Российской Федерации [10, с. 254]. Перспектива его принятия в обозримом будущем уже не так туманна, как еще пару лет назад, и определена Распоряжением министра юстиции Российской Федерации Ю.А. Чайки от 23 ноября 2005 г. № 866 «О создании межведомственной рабочей группы по разработке проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации»¹.

Разработка проекта этого кодифицированного акта осуществляется в целях реализации полномочий Министерства юстиции Российской Федерации по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнительного производства установленного Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313, и должна завершиться ориентировочно в 2007 году.

Несомненно, положительным моментом, способствующим эффективному реформированию в сфере исполнительного права, является начало издания издательской группой «Юрист» нового федерального журнала «Исполнительное право», первый номер которого вышел в 2005 г. Уже в этом номере на страницах журнала появились материалы, содержащие ряд критических замечаний по Проекту ИК РФ и практически рекомендаций по его совершенствованию [11, с. 15–21].

Между тем, кодификация является лишь перспективным, идеальным направлением развития исполнительного права России. В этом идеальном варианте ГПК РФ, АПК РФ и ИК РФ должны соответствовать друг другу, оптимизируя механизм защиты, чтобы результат – правовая защищенность и восстановление нарушенных прав – достигался наиболее коротким путем при минимальных затратах. Речь должна идти именно о законодательном регулировании, а не о праве Верховного Суда «создавать судебные прецеденты в исполнительном производстве в случае выявления пробела в гражданско-процессуальном законодательстве и невозможности решить вопрос на основании аналогии закона или аналогии права», как предлагает О.В. Фролова [12, с. 7], так как в случае претворения подобного предложения в правовую действительность смешаются

функции законодательной, исполнительной и судебной ветвей российской власти.

Проектное состояние исполнительного законодательства, находящегося в процессе постоянного реформирования, свидетельствует о необходимости анализа сложившихся в теории исполнительного права и гражданского процессуального права позиций (идей, течений) относительно сущности исполнительного производства и исполнительного права, их места в российской правовой системе для того, чтобы на теоретической основе выстроить систему исполнительного законодательства.

Большинство исследователей отмечают недостаточную эффективность современного исполнительного производства, предлагая различные законодательные пути ее повышения: от радикального – изменений уголовного закона, в частности, усиления уголовной ответственности за исполнительные правонарушения, перевод отдельных исполнительных правонарушений в разряд преступных, расширение субъектного состава ст. 315 УК РФ [13, с. 26–27], до разработки научно обоснованных рекомендаций с последующей на их основе законодательной регламентацией мер гражданско-правовой ответственности в исполнительном производстве [14, с. 4]. Е.Г. Стрельцовой предложен не менее радикальный путь повышения эффективности исполнения – судебное ограничение дееспособности должника, не исполнившего исполнительный документ в течение шести месяцев, включая ограничение права выезжать без согласия органа опеки и попечительства за границу [15, с. 219–220].

Вместе с тем, такие радикальные идеи в законодательстве, вне зависимости от их способности, на первый взгляд, достаточно быстро привести к желаемому результату (повысить коэффициент исполнительных производств, оконченных реальным исполнением требований взыскателя), входят в противоречие с принципом неприкосновенности личности должника в исполнительном производстве, а также с провозглашенными в ст. 13 Проекта ИК РФ минимальными гарантиями правовой защиты прав сторон в исполнительном производстве.

Интенсификация исследований исполнительного производства после вступления в силу Федеральных законов от 21 июля 1997 года «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах», являясь положительным фактором в развитии науки исполнительного права, сама по себе уже становится объектом изучения ведущих ученых-процессуалистов, в частности, А.Т. Боннера [16, с. 64–75]. За последние три-четыре года появилось достаточное количество диссертационных исследований основных институтов исполнительного права (аспектов исполнительного производства), каждое из которых содержит по несколько законоизменяющих предложений [17; 18; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26].

Реализованная законодателем в 1997 году идея создания системы судебных приставов, независимой в организационном (но не процессуальном – О.И.,

¹ Один из соавторов настоящей статьи – О. В. Исаенкова – входит в состав межведомственной рабочей группы по разработке проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации согласно Приложения к Распоряжению министра юстиции Российской Федерации Ю.А. Чайки от 23 ноября 2005 г. № 866.

А.Д.) плане от суда, по мнению И.В. Решетниковой и В.В. Яркова, имела преимущества, так как делала судебного пристава-исполнителя более самостоятельным, но не бесконтрольным [27, с. 196]. Современные попытки законодательства в области правоотношений, возникающих в исполнительном производстве, неизбежно сталкиваются с противоречием: с одной стороны, исполнение судебных решений не может быть квалифицировано как правосудие, а, с другой стороны, исполнение не может быть и отделено от правосудия, так как является его продолжением [28, с. 128].

Возможно, корни противоречия находятся в изначальном смешении понятий гражданского судопроизводства и гражданского процесса, а также понятий отрасли права и отраслевого законодательства. Когда М.К. Юков около 30 лет назад, по меткому замечанию А.Т. Боннера, «внес «смуту» в умы российских и советских процессуалистов» [28, 108], впервые определив самостоятельную правовую природу исполнительного производства, вместе с тем, он же (М.К. Юков) отождествил понятия отрасли исполнительного права и исполнительного законодательства [30, с. 91–97]. Эти понятия хотя и обладают общей направленностью, но не являются синонимичными, а то, что регулирующие исполнительный процесс нормы разбросаны по различным источникам права [30, с. 5]² есть недостаток исполнительного права, но не признак его комплексного характера. По справедливому замечанию Д.А. Фурсова, законодательные акты нельзя смешивать со структурными единицами права, отраслевая принадлежность которых может не совпадать по названию с наименованием законодательных актов [31, с. 27].

Таким образом, более перспективным является развитие современного исполнительного законодательства исходя из посылки о соотношении исполнительного производства и гражданского процесса как следствия и причины, а не как частного и общего.

Не ставя под сомнения важность законодательства в отношении как предварительного, так и последующего контроля суда за процессом исполнения, отметим, что в процессе исполнения суд, в отличие от судебного разбирательства, не функционирует напрямую. Потому реформами гражданского и арбитражного процесса, закончившимися принятием в 2002 году новых АПК РФ и ГПК РФ, исполнительные правоотношения были затронуты, но, как оказалось, без влияния на эффективность самого исполнения.

Действительно, судопроизводство настолько тесно переплетается с исполнительным производством,

что судебными действиями санкционируются, контролируются, а, в отдельных случаях, заменяются действия исполнительные. В.Ф. Кузнецов ставит судьям, которых полагает субъектами исполнительного производства, в вину ограниченность их вмешательства в процесс исполнения вынесенных решений, отсутствие непосредственного контроля суда за реализацией решений после их вынесения [32, с. 12]³. Такое положение, независимо от его спорности имеет и рациональное зерно – приближение доктринального толкования исполнительного производства к толкованию сущности исполнения судебного решения Европейским судом по правам человека, в силу которого исполнение решения, принятого любым судом должно рассматриваться как составляющая «судебного разбирательства» [33; 34]. Очевидно, что в данном случае высокий суд подменил понятие «процесс защиты» более узким термином «судебное разбирательство», которое является всего лишь частью процесса государственной⁴ защиты права. Российским правоведом остается лишь с сожалением констатировать, что подмена содержания правовых терминов с завидным постоянством приводит к негативным последствиям, правовым аномалиям, но в приведенном примере они особенно серьезны: российскому праву придется принять за аксиому изначально неверную посылку (фикцию).

В противовес идеи включения исполнительного производства в основную стадию гражданского процесса (судебное разбирательство) в науке гражданского процессуального права появились противоположные тенденции об отношении к исполнительному производству достаточно самостоятельного вида гражданского судопроизводства – приказного производства. Так, Т.В. Шакитько выдвинул тезис о том, приказное производство как приспособленное к современным правоотношениям «пониженное исполнение» дореволюционной России является не отдельным видом гражданского судопроизводства, а разновидностью предварительного санкционирования судом исполнительных действий [36, с. 26, 44]. В этом плане невозможно оставить без внимания совершенно противоположную позицию М.С. Шакарян, которая в своем последнем учебнике указала, что для выделения приказного производства в качестве отдельного вида производства вообще нет оснований, так как выдача судебного приказа по существу не является судопроизводством, требования, по которым выдается судебный приказ, потенциально являются исковыми [37, с. 23–24]. Последнюю позицию подтверждает судебная практика – в п.17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря

² Н. А. Рассохатская, выделяя предпосылки дифференциации системы отрасли права, говорит о «наличии соответствующего уровня нормативной регламентации, основанной на накопленном нормативном материале, т.е. необходимости (а не обязательно уже проведенной – О.И., А.Д.) кодификации отраслевого законодательства».

³ Позднее к субъектам исполнительного производства В.Ф. Кузнецов стал относить не судей, а суды общей юрисдикции, арбитражные суды и Конституционный Суд Российской Федерации [23, с. 22].

⁴ Именно государственной защиты, а не судебной в чистом виде, как полагает М.С. Шакарян [35, с. 34].

2003 года № 23 «О судебном решении» приказное производство не названо в числе существующих видов производств. Не вдаваясь в подробности дискуссии о сущности судебного приказа и приказного производства, заметим, что, приказное производство по ГПК РФ 2002 года больше напоминает делопроизводство, нежели судопроизводство именно из-за собственной отличительной особенности – отсутствия основной стадии гражданского процесса (судебного разбирательства). Кроме того, судебный приказ сам по себе является исполнительным документом, чего нельзя сказать о судебных решениях и определениях.

Думается, отсутствие единой стратегии законодательства в области исполнительного производства во многом предопределено тем, что отношения, возникающие по поводу и в связи с исполнением указанных в ст. 7 ФЗ «Об исполнительном производстве» документов, являются объектом, за право регулирования которого ведут борьбу различные отрасли российского права. И если трактовка исполнительного производства в качестве предмета регулирования гражданского процессуального (или арбитражного процессуального) права в силу ее исторических корней занимает в праве прочное место, то отнесение исполнительных правоотношений к категории административных является достаточно новой идеей, развивающейся и находящей своих сторонников уже в последнее десятилетие. В частности, такая идея пронизывает диссертационные исследования И.И. Стрелковой [38] и Ю.А. Поповой [39; 40], при этом первая приходит к тезису об административном характере исполнительных правоотношений, исследуя порядок рассмотрения жалоб на действия судебного пристава-исполнителя арбитражными судами, а вторая делает аналогичный вывод из анализа процесса защиты публично-правовых интересов граждан в судах общей юрисдикции и свойства исполнимости судебных решений по делам из публично-правовых отношений.

Идею административного характера исполнительных правоотношений развивают не только ученые-процессуалисты, но и специалисты в области административного права. Так, И.В. Панова пишет об исполнительном производстве как о виде административно-юрисдикционного процесса [41, с. 221]. В диссертационных исследованиях по административному праву, исполнительное производство изучается в качестве вида административного производства [42, с. 5–8], таким образом, законодательство в данном направлении предполагается проводить по правилам административной законодательной техники.

Аргументы названных авторов и других приверженцев административной концепции исполнительного производства, озвученные в комментарии Т.К. Андреевой к ст. 90 ФЗ «Об исполнительном производстве» [43, с. 212–219] можно свести к следующим:

- судебный пристав-исполнитель наделен властными полномочиями по отношению к сторонам исполнительного производства;
- служба судебных приставов относится к исполнительной власти.

В качестве дополнительных оснований административной концепции называют отнесение судебного пристава-исполнителя к должностным лицам, состоящие его на государственной службе (ст. 3 ФЗ «Об исполнительном производстве»). Как правило, при этом делается вывод о применении глав 23 и 25 ГПК РФ к обжалованию действий судебного пристава-исполнителя за изъятиями, установленными ст. 444 ГПК РФ, указывается на наличие при рассмотрении таких жалоб спора о законности принятия решения или совершения действия должностным лицом, т.е. спора из административных правоотношений. Применение институтов чисто искового производства авторами не исключается, а в некоторых случаях (например, принятие мер обеспечения жалобы на действия судебного пристава-исполнителя аналогично обеспечению иска) даже приветствуется [43, с. 212–219].

Специфика отрасли исполнительного права обуславливается, помимо прочего, еще и тем, что предмет ее регулирования – исполнительное производство – не является, с одной стороны, обязательным следствием гражданского или административного процесса, а, с другой стороны, причиной его возникновения могут быть и документы, полученные внепроцессуальным способом.

Если провести аналогию со структурой нормы, то исполнительное производство в системе права можно было бы условно обозначить в качестве своеобразной санкции по отношению к другим отраслям цивилистического и (в некоторых случаях) административного цикла. По мнению О.Э. Лейста, санкция устанавливается для принуждения к соблюдению обязанности угрозой применения мер государственного принуждения [44, с. 238]. В этом смысле роль исполнительного производства аналогична – оно представляет собой порядок принуждения к выполнению требований, содержащихся в исполнительном документе. При этом, если гражданская процессуальная норма, по меткому определению П.Ф. Елисейкина, призвана упорядочить применение санкции материально-правовой нормы [45, с. 38], то исполнительные процессуальные нормы опосредует санкции не только материального, но и процессуального характера. Думается, именно такое понимание сущности исполнительного права должно стать стержнем в ходе его первой кодификации.

Завершая статью, хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что кодификация является наиболее перспективным и целесообразным путем развития отрасли исполнительного права, а издание Исполнительного кодекса – важнейшим шагом на пути повышения эффективности функционирования его институтов.

ВЫВОДЫ

1. В отдельных правовых теориях роль исполнительного производства сводится к стадии или даже институту гражданского (арбитражного) процесса. То, что регулирующие исполнительный процесс нормы разбросаны по различным источникам права есть недостаток исполнительного права, но не признак его комплексного характера. Законодательные акты нельзя смешивать со структурными единицами права, отраслевая принадлежность которых может не совпадать по названию с наименованием законодательных актов.

2. В противовес идеи включения исполнительного производства в основную стадию гражданского процесса (судебное разбирательство) в науке гражданского процессуального права появились противоположные тенденции об отнесении к исполнительному производству достаточно самостоятельно вида гражданского судопроизводства – приказного производства.

3. В исследованиях по административному праву, исполнительное производство изучается в качестве вида административного производства, таким образом, законотворчество в данном направлении предполагается проводить по правилам административной законодательной техники.

4. Более перспективным является развитие современного исполнительного законодательства исходя из посылки о соотношении исполнительного производства и гражданского процесса как следствия и причины, а не как частного и общего.

5. Исполнительное производство в системе права является своеобразной санкцией по отношению к другим отраслям цивилистического и (в некоторых случаях) административного цикла. Исполнительное производство представляет собой порядок принуждения к выполнению требований, содержащихся в исполнительном документе. Исполнительные процессуальные нормы опосредует санкции не только материального, но и процессуального характера. Именно такое понимание сущности исполнительного права должно стать стержнем в ходе его первой кодификации.

6. Кодификация является наиболее перспективным и целесообразным путем развития отрасли исполнительного права, а издание Исполнительного кодекса – важнейшим шагом на пути повышения эффективности функционирования его институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Поленина С. В.** Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 5.
2. **Игнатенко А. А., Кириленко И. В., Матвеев А. В., Шерстюк В. М., Ярков В. В.** К разработке проекта Исполнительного Кодекса Российской Федерации // Законодательство. 2001. № 8.
3. **Игнатенко А. А., Кириленко И. В., Матвеев А. В., Шерстюк В. М., Ярков В. В.** К разработке проекта

- Исполнительного Кодекса Российской Федерации // Хозяйство и право. 2001. № 10.
4. **Материалы 24-конференции Европейских министров юстиции.** – Москва, 2001.
5. **Чугунова Е. И., Еременко М. С.** К вопросу об эффективности исполнения по гражданским делам (по материалам 24-й конференции министров юстиции стран Европы) // Защита прав и законных интересов граждан и организаций: Материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар–Сочи, 23–26 мая 2002 г. – Сочи: Кубанский государственный ун-т. 2002. Часть 1.
6. **Зайцев Л. М.** Взаимное исполнение иностранных судебных решений и русско-германский торговый договор. – Киев: Типография А. И. Гросмана. 1914.
7. **Бочарова С. Н.** Совершенствование прокурорского надзора в исполнительном производстве: проблемы теории и практики. Автореф. дис. канд. юр. наук. – Москва, 2002.
8. **Коршунов Н. М.** О процессуальных гарантиях исполнения судебных актов // Актуальные проблемы гражданского права, гражданского и арбитражного процесса: В 2-х частях. Ч. 2: Гражданский и арбитражный процесс. Материалы научной конференции. – Воронеж, 2002.
9. **Фролова О. В.** Проблемы исполнения судебных решений в России. Автореф. дис. канд. юр. наук. – Санкт-Петербург, 2000.
10. **Шерстюк В. М., Ярков В. В., Исаенкова О. В. и др.** Проект Исполнительного кодекса Российской Федерации. – Краснодар- Санкт-Петербург, 2004.
11. **Демичев А. А.** Принципы исполнительного права по Проекту Исполнительного кодекса Российской Федерации // Исполнительное право. 2005. № 1.
12. **Фролова О. В.** Проблемы исполнения судебных решений в России. Автореф. дис. канд. юр. наук. – Санкт-Петербург, 2000.
13. **Гепп Ю. В.** Участники исполнительного производства. Автореф. дис. канд. юр. наук. – Саратов. 2002.
14. **Загидуллин М. Р.** Гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве. Автореф. дис. канд. юр. наук. – Казань, 2003.
15. **Стрельцова Е. Г.** К вопросу о концепции исполнительного производства // Проблемы защиты прав и законных интересов граждан и организаций: Материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2002.
16. **Боннер А. Т.** Исполнительное производство: отрасль российского права или стадия процесса? // Законодательство. 2004. № 8.
17. **Малешин Д. Я.** Суд в процессе исполнения судебных постановлений. Дис. канд. юр. наук. – Москва, 2002.
18. **Гепп Ю. В.** Участники исполнительного производства. Дис. канд. юр. наук. – Саратов, 2002.
19. **Загидуллин М. Р.** Гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве. Дис. канд. юр. наук. – Казань, 2003.
20. **Исаенкова О. В.** Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции. Дис. док. юр. наук. – Саратов, 2003.
21. **Шакитыко Т. В.** Процессуальный порядок рассмотрения судом дел, возникающих из исполнительных правоотношений. Дис. канд. юр. наук. – Саратов, 2004.
22. **Кузнецов Е. Н.** Исполнительное производство Франции. Дис. канд. юр. наук. – Екатеринбург, 2004.

23. **Кузнецов В. Ф.** Система исполнительного производства (вопросы теории и практики) Дис. док. юр. наук. – Екатеринбург, 2004.
24. **Куракова Н. В.** Исполнительное производство: обращение взыскания на имущество должника организации. Дис. канд. юр. наук. – Москва, 2004.
25. **Агеев А. Х.** Частноправовые и публично-правовые начала в исполнительном производстве. Дис. канд. юр. наук. – Екатеринбург, 2004.
26. **Невский И. А.** Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизводства. Дис. канд. юр. наук. – Саратов, 2005.
27. **Решетникова И. В., Ярков В. В.** Гражданское право и гражданский процесс в современной России. – Екатеринбург-М: Норма, 1999.
28. **Боннер А. Т.** Исполнительное производство: отрасль российского права или стадия процесса? // Избранные труды по гражданскому процессу. – Санкт-Петербург, 2005.
29. **Юков М. К.** Самостоятельность норм, регулирующих исполнительное производство // Проблемы совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР. Научные труды: Выпуск 40. – Свердловск, 1975.
30. **Рассахатская Н. А.** Проблема специализации процессуальной деятельности // Вестник Саратовской государственной академии права. 2002. № 2.
31. **Фурсов Д. А.** Понятие отрасли арбитражного процессуального права // Государство и право. 1999. № 1.
32. **Кузнецов В. Ф.** Реализация судебных решений, не связанных с передачей имущества или денежных сумм. Автореф. дис. канд. юр. наук. – Свердловск, 1986.
33. **Европейский суд по правам человека** (Первая секция). Дело Бурдов (Burdov) против России (Жалоба № 59498/00): Постановление Суда по существу дела и в отношении справедливой компенсации. Страсбург, 7 мая 2002 г // Российская газета. – 4 июля 2002 г. №120 (2988).
34. **Европейский суд по правам человека.** Постановление Большой Палаты по делу «Иммобилиаре Саффи» против Италии («Immobiliare Saffi» v. Itali), жалоба № 22774/93, §74, ECHR 1999-V.
35. **Шакарян М. С.** Реализация права на судебную защиту // Проблемы применения и совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР. Сборник научных трудов. – Калинин: Калининский государственный ун-т. 1984.
36. **Шакитыко Т. В.** Процессуальный порядок рассмотрения судом дел, возникающих из исполнительных правоотношений. Дис. канд. юр. наук. – Саратов, 2004.
37. **Гражданское процессуальное право:** Учебник /Под ред. М. С. Шакарян. – Москва, 2004. (сноска № 2).
38. **Стрелкова И. И.** Подведомственность арбитражному суду дел по экономическим спорам и иных дел. Автореф. дис. канд. юр. наук. – Екатеринбург, 2002.
39. **Попова Ю. А.** Защита публично-правовых интересов граждан в судах общей юрисдикции. – Краснодар, 2001.
40. **Попова Ю. А.** Теоретические проблемы по делам, возникающим из публично-правовых отношений. Дис. док. юр. наук. – Краснодар, 2002.
41. **Панова И. В.** Административно-процессуальная деятельность в Российской Федерации. – Саратов, 2001.
42. **Сарычев А. Н.** Исполнительное производство как вид административного производства. Автореф. дис. канд. юр. наук. – Саратов, 1998.
43. **Комментарий к Федеральному Закону «Об исполнительном производстве»** /Под ред. М. К. Юкова и В. М. Шерстюка. – Москва: Статут. Городец. 1998. (автор комментария к главе 11 – Т. К. Андреева).
44. **Лейст О. Э.** Санкции в советском праве. – Москва: Госюриздат, 1962.
45. **Елисейкин П. Ф.** Предмет процессуально-правового регулирования и понятие процессуальной нормы // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Выпуск 4. – Ярославль, 1977.

VYKDYMO TEISĖS KODIFIKAVIMAS RUSIJOJE: DABARTINĖ BŪKLĖ IR RAIDOS PERSPEKTYVOS

Oksana Vladimirovna Isaenkova *
Aleksej Andrejevič Demičev **

S a n t r a u k a

Straipsnyje kalbama apie Rusijos vykdymo kodekso projektą, jo kritiką, raidos perspektyvas.

Aprašomos Rusijos teisės mokslo vykdymo teisės teorijos, pateikiama ir kritikuojama nuomonė, kad vykdymo teisė yra tik civilinio proceso institutas ir neturėtų būti išskiriama kaip savarankiška teisės šaka. Autoriai, paneigdami nuomonę, kad Aukščiausiasis Teismas teismų praktika gali suformuoti vykdymo procesą ir užpildyti jo spragas, įrodinėja teisinio pagrindo būtinumą ir kaip geriausią priemonę siūlo teisės aktų sistemimą – kodifikavimą. Pasak autorių, vykdymo efektyvumą didinti galima tik kuriant bendrą vykdymo teisės sistemą atskira teisės šaka, o ne paliekant vykdymo teisės normas išsibarsčiusias įvairiose teisės šakose.

Straipsnyje kritikuojamos nuomonės, siūlančios griežtinti atsakomybę už sprendimų nevykdymą, nes kyla prieštaravimų su skolininko asmens neliečiamumo principu vykdymo procese, taip pat pažeidžiamos vykdymo santykio šalių minimalios teisinės apsaugos garantijos.

Straipsnyje nurodoma, kad 1997 metų teisės aktuose, reglamentuojančiuose antstolių veiklą, teismo antstolių savarankiškumas buvo teigiamas dalykas. Dabartiniai teisėkūros bandymai reglamentuoti santykius vykdymo procese susiduria su šiais prieštaravimais: teismo sprendimų vykdymas negali būti laikomas teisingumo vykdymu, kita vertus, negali būti nuo jos atskirtas, nes yra jos tęsinys.

Autoriai pabrėžia bendros teisėkūros nebuvimo priežastis. Jų nuomone, bendros teisėkūros strategijos vykdymo teisėje nebuvimą nulėmė tai, kad vykdomieji dokumentai yra objektas, dėl kurio reguliavimo kovoja skirtingos Rusijos teisės šakos. Giliausiai išsisknijęs požiūris, kad vykdymo teisė yra civilinio (arba arbitražinio) proceso dalis. Pastaruoju metu keliamą idėją, kad vykdymo teisiniai santykiai priskiriami prie administracinių teisinių santykių kategorijos. Administracinės vykdymo koncepcijos šalininkai siūlo vykdymo teisės teisėkūrą plėtoti pagal administracinės teisėkūros technikos taisykles.

* Teisės mokslų daktarė, profesorė, Valstybinės Saratovo teisės akademijos (Rusijos Federacija) Civilinio proceso katedros vedėja.

** Teisės mokslų daktaras, profesorius, Rusijos MVD Nižegorodskajos akademijos (Rusijos Federacija) Civilinio proceso, darbo ir ekologinės teisės katedros vedėjas.

Šiuolaikinės vykdymo teisės teisėkūros raidos perspektyvos turėtų remtis tokiu vykdymo ir civilinio proceso santykiu, kaip atsirandantis pasekmių ir priešasčių, o ne kaip dalies ir visumos santykis.

Autoriai daro išvadą, kad vykdymo teisės šakos savarankiškumą ir specifiką pažymi jos reguliavimo dalykas: pirma, jis nėra privalomas civilinio arba administracinio proceso padarinys, antra, jo atsiradimo pagrindas gali būti dokumentai gauti neprocesiniu būdu.

Vedant analogiją su normos struktūra, vykdymą teisės sistemoje galima sąlyginai laikyti savotiška sankcija kitoms šakoms – civiliniam arba administraciniam ciklui. Civilinio proceso teisės norma skirta nustatyti materialinės normos taikymo tvarką, tai vykdymo proceso normos skiria ir procesinio, ir materialinio pobūdžio sankcijas. Būtent toks vykdymo teisės esmės supratimas turi tapti pirmojo Rusijos vykdymo kodekso ašimi. Autorių nuomone, kodifikavimas yra perspektyviausias ir tikslingiausias kelias plėtoti vykdymo teisės šaką, o Vykdymo kodekso išleidimas padidins vykdymo institutų efektyvumą.

Pagrindinės sąvokos: vykdymo teisė, vykdymo teisės kodifikavimas, civilinis procesas.

THE CODIFICATION OF LAW ENFORCEMENT IN RUSSIA: THE PRESENT SITUATION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Oksana Vladimirovna Isaenkova *

Saratov Public Academy of Law

Aleksej Andrejevič Demičev **

Nijegorodskaya Academy of Ministry of the Interior of Russia

Summary

The article deals with the project of code enforcement in Russia, its criticism and the prospects of its development.

The theories of law enforcement in Russian jurisprudence are described. The opinion that the law enforcement is just the institution of civil proceedings and could not be singled out as an independent branch of law is expressed and criticized. Contrary to the opinion that the Supreme Court due to the legal practice can settle the process of enforcement and amend its legal loopholes, the authors try to prove the necessity of legal ground and suggest the way of arranging laws in a system – codification. According to the authors, the increase in the efficiency of enforcement is possible while establishing a united system of law enforcement as a separate branch of law, without leaving enforcement rules scattered throughout many different branches of law.

The authors of the article criticize the opinions that suggest stiffening the responsibility for noncompliance with the decisions because of the debtor's contradictions with the personal immunity principle in the process of enforcement, and at the same time the minimum legal security guarantees are violated by the parties of enforcement.

The article indicates that in the legal acts of 1997, which regulate the bailiffs' actions, the bailiffs' independence was

considered to be positive. The present law-making trials due to the regulation of relations in the process of enforcement are confronted with these contradictions: on one hand, the execution of court decisions cannot be equalled only by the administration of justice, on the other hand, the execution of court decisions cannot be separated from the administration of justice, because it is considered to be its continuation.

The authors emphasize the reasons for the absence of the united law-making procedure. In their opinion, the reason for the absence of the united law-making strategy in law enforcement is that different branches of law in Russia are contending for the regulation of the executive documents. The attitude to the law enforcement as a part of the civil (arbitration) proceedings is described too. The idea that the legal relations of enforcement are attributed to the category of administrative legal relations has been brought out into the open recently. The second orders of administrative conception enforcement suggest developing law-making in accordance with technical rules of administrative law-making.

The modern prospects of development in law-making of law enforcement should be based on the proportion of enforcement to the civil proceedings as a proportion originated from outcomes and reasons, but not as the one originated from the part and the whole.

The authors draw a conclusion that the independence and particularity of law enforcement are indicated by its regulation: firstly, it is not the consequence of the obligatory civil or administrative proceedings, secondly, the common ground of its origin can be the documents received in the non-procedural way.

On the analogy of standard structure, law enforcement can be considered as a particular sanction for the other branches of law – civil and administrative one. If the legal rule of the civil proceedings is intended to establish the enforcement order of substantial rule, the procedural rules of enforcement distinguish between the procedural and substantial sanctions. Such an interpretation of law enforcement should be the pivot on which the first code of enforcement of Russia revolves. According to the authors, codification is the most promising and expedient way to develop the branch of law enforcement and the legislation of code enforcement will increase the efficiency of enforcement institutes.

Keywords: law enforcement, the codification of law enforcement, civil proceedings.

* Prof., Ms., Saratov Public Academy of Law, the Russian Federation.

** Prof., Mr., Nijegorodskaya Academy of Ministry of the Interior of Russia, the Russian Federation.